

ЖЕНЩИНЫ И ДЕТИ - ЖЕРТВЫ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ В АФРИКЕ

Ключевые слова: этнополитические конфликты, насилие, женщины и дети в конфликтах

О.Б. ГРОВОВА

Кандидат исторических наук

Женщины и дети в первую очередь страдают от экономических, социальных и других последствий конфликта - развала национальной экономики и базовых социальных услуг, упадка традиционного хозяйства, разорения, обнищания, голода, истощения, антисанитарии и разных болезней. Десятки тысяч мирных жителей становятся бездомными. Лишенные крова женщины с детьми в массовом порядке покидают разрушенные деревни в поисках безопасного убежища. Они составляют около 80% всех африканских беженцев.

В ДРК, например, по данным на конец 2005 г., насчитывалось примерно 1,6 млн внутренне перемещенных лиц. Сотни тысяч беженцев направлялись в Бурунди, Руанду, Судан и другие близлежащие страны¹. Число беженцев-сомалийцев превысило 1,5 млн человек, большинство из них оказалось в соседних Кении и Эфиопии, а также в Йемене. Из суданской провинции Дарфур со времени начала в 2003 г. наиболее острой фазы конфликта между центральным правительством и местными повстанцами бежало более 2,7 млн жителей².

ВОЙНА БЕЗ НАСИЛИЯ - НЕ ВОЙНА

Порождаемая вооруженным противостоянием "культура насилия" воспринимается в качестве неизбежного следствия войны и становится "нормой", то есть повсеместным, повседневным и систематическим деянием в условиях затяжного, длящегося годами кризиса.

Африканские женщины в наибольшей степени ощутили жестокость войн и конфликтов на континенте. Похищение женщин за

Многочисленные этнополитические конфликты и гражданские войны, охватившие в последние десятилетия прошлого и в начале нынешнего века целый ряд стран Африки, особенно сильно отразились на положении наиболее уязвимых групп населения - женщин и детей.

частую оказывается главной целью захватнических набегов на населенные пункты, осуществляемых как повстанцами, так и солдатами правительственных войск.

Женщины становятся и главной жертвой преступлений: убийств, унижающей человеческое достоинство жестокости, зверских издевательств, нанесения умышленных увечий, принудительной проституции и групповых изнасилований. Так, например, в Сьерра-Леоне во время почти 10-летнего конфликта боевики Революционного объединенного

фронта (РОФ) отрезали женщинам носы и уши, выкалывали глаза, отрубали руки и ноги. Также поступали и солдаты Армии сопротивления Господа (АСГ) в северных районах Уганды.

Изнасилования были и остаются составляющей всех конфликтов и войн в Африке (в Сьерра-Леоне, Либерии, Руанде, Бурунди, ДРК, Уганде, Судане и других странах). В отсутствие мужей и мужчин-родственников, которые или погибли, или непосредственно участвуют в боевых действиях, женщины, особенно в деревнях, остаются беззащитными перед угрозой насилия или похищения, которые в зонах вооруженных конфликтов приобретают массовый характер. Так, изнасилование, сопровождавшееся умерщвлением жертвы, было составной частью кампании геноцида в Руанде. Только в течение нескольких весенних месяцев 1994 г. насилию подверглось более 250 тыс. женщин³.

Насилие над женщинами в огромных масштабах осуществлялось во время гражданских войн (1990-е - начало 2000-х гг.) в Сьерра-Леоне и Либерии. В Сьерра-Леоне примерно 86% женщин-жертв похищения и беженек подверглось изнасилованиям⁴. В обзоре Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) за 2005 г. указывалось, что 90% либерийских женщин пострадало в результате физического и сексуального насилия, 3 из каждых четырех либериек были изнасилованы⁵.

В результате многолетней гражданской войны в Мозамбике также сотни тысяч женщин стали жертвами сексуального надругательства.

Международные гуманитарные организации отмечали мно-

гочисленные случаи изнасилований в зоне боевых действий в восточной части ДРК: около 25 тыс. - в 2005 г. и почти 16 тыс. - в 2008 г.⁶ Представляется, что реальное число жертв значительно выше, так как многие женщины скрывают факты надругательства над ними из-за опасения прослыть «опозоренными» и стать изгоями общества.

Женское население отдаленных сельских районов северных и восточных провинций ДРК, где до сих пор продолжаются военные действия, живет в постоянном страхе. Женщины и девочки боятся выходить в поле, за водой, дровами, на местный рынок, где их могут похитить, убить или изнасиловать. В деревнях северо-восточных провинций Конго почти каждая женщина в тот или иной период была подвергнута сексуальному насилию со стороны солдат, боевиков или представителей местной милиции⁷.

Десятки тысяч женщин и девушек подверглись разным формам насилия в суданской провинции Дарфур. Издевательства и сексуальное насилие были там «обычной практикой» для военнослужащих правительственной армии и милиции *джанджавид*. Изнасилованную жертву отмечали пожизненным клеймом, выжженным на лбу или на руке⁸.

Число случаев изнасилования женщин увеличилось и в Нигерии, в районе дельты р. Нигер, где активизировалось сепаратистское движение и происходят вооруженные столкновения мятежников с армейскими подразделениями. В Эфиопии, по свидетельству организации *Human Rights Watch*, в 2007 г. правительственные вооруженные силы провели специальную военную операцию против повстанцев-сепаратистов в Огадене, «подкрепив» боевые действия убийствами мирных жителей, изгнанием их из деревень, пытками и изнасилованием местных женщин⁹.

Тяжело приходится и перемещенным лицам женского пола.

Особенно страдают от этого вдовы, незамужние девушки, женщины с детьми. Известны случаи групповых изнасилований сомалийских беженцев боевиками и мужчинами-беженцами в переполненном (там находится около 300 тыс. чел.) палаточном лагере (или, скорее, группе лагерей) Дадааб на северо-востоке Кении. Аналогичная ситуация наблюдается и в лагере Какуму, расположенном на северо-западе Кении вблизи суданской границы.

Кофи Аннан, в бытность Генеральным секретарем ООН, указывал, что акты насилия имеют политический и символический характер. Они ущемляют чувство собственного достоинства женщины и наносят моральный, психологический, материальный ущерб ее семье и всей общине¹⁰.

ции конфликта, массовое изнасилование женщин, принадлежащих к «вражеской» этнической группе или политической группировке, символизирует не только доминирование «сильного пола» над «слабым», но и победу одной мужской группы над другой¹¹.

Систематическое сексуальное насилие превращается в одну из форм пыток, наказаний и унижения личности, становится своего рода инструментом «этнических чисток». В Руанде, например, в период осуществлявшегося представителями народности *хуту* геноцида *тутси*,

именно женщины - символ и носители культурной и этнической идентичности, производители будущего поколения, хранители домашнего очага - оказались главным объектом агрессии, террора, жестокости и насилия. В ряде случаев массовые изнасилования как составная часть кампаний геноцида служили целям «принудительной репродукции». Так, в Судане, дети, рожденные в результате изнасилования африканки - своеобразного «военного трофея» - «победителем»-арабом, в соответствии с мусульманской традицией, идентифицируются по отцовской линии. Мужчины-арабы из северных и запад-

**СЕКСУАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ - ИНСТРУМЕНТ
ЭТНИЧЕСКИХ ЧИСТОК**

Повсюду в лагерях для беженцев насилие стало «нормой жизни».

Для повстанческих группировок, заинтересованных в эскала-

ных регионов целенаправленно насиловали южанок-африканок, чтобы пополнить население юга страны за счет «арабских» детей, изменить демографическую ситуацию, а также разобщить местное население по принципу этнической принадлежности.

Ситуация усугубляется тем, что во многих странах континента насилие над врагами, то есть представителями другой этнической группы или конфессии, полагается допустимым, а зачастую даже приветствуется.

Как правило, сексуальные надругательства совершаются с молчаливого одобрения или согласия военного руководства как мятежников, так и правительственной армии, которое либо не способно контролировать ситуацию, либо само замешано в акциях такого рода. До недавнего времени ни полиция, ни власти не рассматривали изнасилование как преступление, что предопределяло его безнаказанность. Правительство Судана, например, признавало отдельные случаи сексуального надругательства,

зрения осуществляемого против них насилия групп населения. Тяжкие последствия массовых изнасилований отражаются и на судьбе детей, родившихся в результате сексуального надругательства: от матери и ребенка отказываются муж, родственники и соплеменники, их лишают крова.

Другой проблемой, с которой приходится сталкиваться жертвам сексуального надругательства в постконфликтном обществе, становится рост «домашнего» насилия, приобретающего даже большие масштабы, чем во время конфликта. На семейном, родственном уровне крайне жестокое обращение с женщинами, которых обвиняют в проституции, супружеской измене и других «грехах», превращается в норму¹³.

ВОЙНА И СПИД

Насилие, прежде всего сексуальное, влечет за собой катастрофические физические и морально-психологические последствия для его жертв. Оно представляет собой серьезную угрозу для здо-

МОЖНО ЛИ ПРИВЫКНУТЬ К НАСИЛИЮ?

осуществлявшегося в Дарфуре боевиками *джанджавида*, но отвергало ужасающую информацию о многочисленных жертвах насилия в этой провинции, предоставляемую международными гуманитарными организациями.

По утверждению правозащитной организации «Международная амнистия», в ряде африканских стран безнаказанность виновных в надругательстве над женщинами в ходе и после завершения конфликта все еще остается обычным явлением¹².

Женщины, родившие от врага ребенка, становятся «позором» семьи и всей общины. Они лишаются возможности вновь выйти замуж, вернуться в родную деревню и к прежней жизни. Отвергнутые своей семьей и обществом, зачастую они оказываются в положении изгоев без какой-либо надежды получить помощь и поддержку со стороны близких. Их не спасает и бегство в города или лагеря для перемещенных лиц, где эти женщины оказываются среди наиболее уязвимых с точки

ровья женщин, будучи одной из причин распространения венерических заболеваний и СПИДа. Боевики, до 80% которых, по оценкам, являются носителями этих инфекций, часто намеренно заражают женщин. При этом пострадавшие, как правило, не обращаются за медицинской помощью, даже если у них есть такая возможность, опасаясь заслужить презрение окружающих.

К физическим страданиям добавляются переживания морального, душевного свойства, вызывающие ощущения постоянного страха и безнадежности, апатию, депрессию, бессонницу; среди женщин-изгоев нередки случаи самоубийств. Все это наблюдалось в Сьерра-Леоне, Либерии и других странах.

В Руанде, например, среди женщин, переживших геноцид 1990-х гг., отмечалось свойственное им состояние крайней депрессии, они испытывали постоянные ночные кошмары и даже проявляли вспышки ярости в отношении собственных детей. В

Анголе в результате продолжительного вооруженного конфликта около 15% населения стало жертвами психического расстройства.

До недавнего времени большинство стран континента не имело законов, касающихся сексуального насилия. Под давлением мировой общественности в лице международных организаций, прежде всего ООН, правительства африканских стран при содействии местных общественных организаций начинают делать первые, пока еще «робкие» шаги по привлечению к суду военных преступников, уничтожению дискриминации и прекращению насилия в отношении женщин. (Эти требования, кстати, закреплены дополнительным протоколом 2003 г. к Африканской хартии прав человека и народов).

В Сьерра-Леоне после окончания войны была создана парламентская комиссия по расследованию военных преступлений, призванная уделить особое внимание созданию специальных реабилитационных программ для женщин - жертв конфликта.

В ДРК в 2006 г. был принят закон о наказании виновных в сексуальном насилии и предоставлении помощи его жертвам. Несколько конголезских офицеров и солдат, обвиненных в совершении этого преступления, были приговорены к пожизненному заключению¹⁴. В стране уже существуют программы, предусматривающие медицинскую, психологическую, материальную и юридическую помощь пострадавшим.

ЖЕНЩИНЫ - СОЛДАТЫ

Хотя африканские женщины во время конфликтов, как правило, оказываются жертвами насилия, нередко, однако, случаи, когда они становятся активными и непосредственными участниками вооруженного противостояния, причем как на стороне мятежников, так и в составе регулярной армии, групп поддержки или вспомогательного персонала.

В годы национально-освободительного движения и гражданских войн в таких странах, как Эритрея, ЮАР, Зимбабве, Намибия, Мозамбик, Ангола и др.,

женщины морально и физически, хотя и не обязательно с оружием в руках, поддерживали своих мужей, отцов, братьев, соплеменников и наравне с мужчинами переносили тяготы военно-полевой жизни, помогая бойцам по хозяйству (стирка, приготовление пищи) и в уходе за ранеными. В Анголе именно женщины, которых МПЛА набирала в свои вооруженные отряды, по ночам уходили за водой и продовольствием, потому что именно им было легче пройти через посты повстанческой группировки УНИТА¹⁵.

Как правило, в вооруженных конфликтах более позднего времени женщины участвовали не по своей воле, а по воле повстанцев, которые похищали их и принудительно вербовали для ведения хозяйства в военных лагерях, оказания сексуальных услуг, а также использования в качестве бойцов во время вооруженных столкновений.

“Добровольцами” обычно становились девушки и женщины, бежавшие из оккупированных сельских районов, где безработица, нищета, голод, отсутствие средств к существованию и каких-либо жизненных перспектив толкали их к участию в конфликте. Причинами присоединения к мятежникам могло послужить и стремление спасти свою жизнь, жизнь своих близких или желание отомстить за гибель родных. В Сьерра-Леоне, например, в период 10-летней войны девушки охотно присоединялись к повстанцам, в частности, к РОФ, в котором они составляли около 25% наличного состава. Некоторые из них даже командовали “женскими батальонами” или являлись членами военных советов. За успешное участие в военных операциях девушки «получали» мужей¹⁶.

В Либерии молодые женщины, движимые желанием обезопасить себя и свою семью, воевали в составе повстанческой группировки Объединенные либерийцы за примирение и демократию (ОЛПД). В одной из группировок - *Red Light* - примерно 16% боевого состава составляли женщины¹⁷.

Представительницы слабого пола участвовали и в актах наси-

лия, направленного против неприязнелюбительского гражданского, в том числе женского, населения. В Руанде, например, они нередко становились соучастницами и исполнителями преступных деяний во время геноцида 1994 г. Участие в актах насилия расценивалось женщинами как возможность унижить мужчин-врагов.

Во время войны в Сьерра-Леоне женщины занимались “рейдерством” и грабежом, проявляя крайнюю жестокость по отношению к гражданским лицам вплоть до причинения увечий. Некоторые женщины, похищенные и принудительно завербованные повстанцами, оказавшись в безвыходном положении, становились настоящими преступницами¹⁸. Им было тяжело и на войне, и с наступлением мира: психические отклонения, трудности с адаптацией к мирной жизни и общественной реинтеграцией становились расплатой за боевой опыт.

ОНИ НАУЧИЛИСЬ НЕ ОТСТУПАТЬ ПЕРЕД ТРУДНОСТЯМИ

Продолжительные гражданские войны и вооруженные конфликты неожиданно привели к некоторым позитивным переменам в гендерных отношениях, отразившимся на традиционной роли африканок в семье, домашнем хозяйстве и общественной жизни.

Высокая смертность среди мужчин, участвовавших в боевых действиях, привела к заметным демографическим сдвигам и численному перевесу в ряде регионов женского населения над мужским. В Руанде, например, после геноцида 1994 г. на четырех мужчин приходилось 6 женщин (по некоторым оценкам, эта пропорция составляла 1:7). В некоторых районах страны женщины составляли около 80% населения¹⁹.

В отсутствие мужей и мужчин-родственников женщины волей-неволей становятся более самостоятельными в социально-экономическом отношении. Война вынуждает их рассчитывать только на себя. Более того, появилось множество больших семей во главе с женщинами - женами и

вдовами мужчин, ушедших в армию, пропавших без вести, плененных, перемещенных или погибших. Так, в Руанде в течение трех первых месяцев геноцида 34% домохозяйств стали возглавлять женщины, 60% которых были вдовами²⁰.

В ситуации конфликта, усугубленного распадом традиционной семьи и общинных структур, выросло количество семей, в которых женщины вынуждены были принять на себя новые обязанности - заботу о содержании и пропитании детей, стариков, недееспособных родственников. Перераспределение семейных обязанностей привело к повышению общественного статуса женщин, которые становились - в поисках дополнительного дохода - все более вовлеченными в ранее закрытые для них сферы деятельности. В городах, куда женщины бежали от ужасов войны и насилия, они начинали заниматься не только традиционной для них рыночной торговлей, но и мелким бизнесом, а также успешно «осваивать» неформальный сектор городской экономики.

Африканки в полной мере проявили способность к уверенным и самостоятельным действиям в сложной обстановке военного и послевоенного времени. Произошло и осознание женщиной себя как личности, заслуживающей равноправия с мужчинами, а это, в свою очередь, привело к повышению их роли в политической жизни. Подобная ситуация наблюдалась во всех африканских странах, в то или иное время охваченных конфликтами. В Чаде, например, мужчины, оставшиеся в живых после участия в военных действиях, нередко оставляли жен и детей и отправлялись на заработки в другие страны, зачастую не возвращаясь назад, и женщины привыкали самостоятельно решать все проблемы.

В Анголе в условиях послевоенного экономического спада именно на женщин легла ответственность за выживание семьи, что в итоге привело к упрочению их позиций в обществе. С расширением роли женщин стала меняться гендерная конфигурация и сомалийского общества²¹.

Даже в крайне тяжелых усло-

виях проживания в лагерях для перемещенных лиц женщины-беженки приспосабливаются к трудностям, используя скудные материальные ресурсы, в частности, гуманитарную помощь, для создания малого бизнеса - небольших предприятий по пошиву одежды, выпечке хлеба и пр., приносящих определенный доход²².

Свидетельством повышения общественной роли африканских женщин в кризисные годы явилось их активное участие в миротворческой деятельности. Во время войн и конфликтов в Сьерра-Леоне, Либерии, Анголе и других странах появились многочисленные женские организации, ассоциации, объединения, первоочередной задачей которых было содействие достижению мира. Например, женщины охваченных конфликтами стран Западной Африки неоднократно выступали за разрешение этнополитических разногласий путем переговоров, а также требовали прекращения физического и сексуального насилия. Организация «Инициатива либерийских женщин» активно включилась в реализацию национальных программ по разоружению, демобилизации и реинтеграции участников конфликта, сотрудничая в этом деле с миссией ООН в Либерии. Миротворческие усилия женщин ускорили подписание в стране мирного соглашения и окончание в 2003 г. гражданской войны.

Женские организации Сьерра-Леоне сыграли заметную роль в организации кампании гражданского неповиновения, направленной против военных лидеров, свергнувших законно избранное гражданское правительство в мае 1997 г.²³

Участие в миротворческой деятельности способствовало усилению вмешательства женщин в законодательную сферу, особенно в части, касающейся защиты от сексуального насилия. Так, Либерийская ассоциация женщин-юристов содействовала разработке (в январе 2006 г.) нового закона об ответственности за изнасилование²⁴.

Надо сказать, что набирающая силу экономическая, социальная

и политическая активность женщин встречала непонимание, а порой и сопротивление со стороны представителей «сильного пола». В результате положение многих женщин не улучшилось, а даже ухудшилось²⁵. Вернувшиеся с войны мужчины пытались поставить женщину на «прежнее место», вернуть себе утраченное верховенство над ней, укрепить пошатнувшиеся семейные устои, прибегнув к испытанному средству - разнообразным формам унижения и насилия, прежде всего, бытового. Тяжело приходится в новой, мирной жизни и женщинам - бывшим солдатам, настороженно, а иногда и с неприязнью встреченным обществом из-за того, что их недавние действия не соответствовали стереотипам женского поведения. Их исключают из ветеранских организаций, ограничивают или запрещают участие в послевоенных процессах восстановления народного хозяйства, лишают доступа к образованию и профессиональному обучению.

Вскоре, однако, стало ясно, что африканские женщины, продемонстрировавшие умение выжить в ситуации конфликта, уже не вернутся к прежнему зависимому положению и пожелают самостоятельно распоряжаться своей судьбой. Как заявила одна из руандийских женщин-сенаторов (половина депутатов парламента страны - женщины), «мужчины наблюдают за нами. Им интересно, поднимемся ли мы на более высокий уровень. Мы быстро учимся, потому что мы должны учиться. Мы не можем быть такими, как мужчины, - мы должны стать лучше них»²⁶.

* * *

В африканском обществе, где в целом сохраняется социально-экономическое неравенство между полами, происходят заметные перемены. Рост числа представительниц слабого пола в государственных структурах, даже в органах безопасности африканских стран - уже реальность. В Либерии, где президентом является женщина - Эллен Джонсон Серлиф, а также в ЮАР, Руанде, Бурунди, Мозамбике и др. государствах континента, уже значитель-

ное число женщин занимает высокие посты. На необходимость предоставления женщинам равных прав с мужчинами указывается в национальных и региональных программах и планах действий, признающих повышение статуса женщины в африканском обществе.

(Окончание следует)

¹ www.UNICEF.org

² African Research Bulletin. Political, social and cultural series. Exeter, 2008. Vol. 45. № 12. P. 17796.

³ What women do in wartime. Gender and conflict in Africa. L., N.Y., 1998. P. 102.

⁴ IDS Bulletin. Oxford, 2009. Vol. 40. № 2. P. 50.

⁵ Ibidem.

⁶ African Research Bulletin... 2008. Vol. 45. № 7. P. 17608.

⁷ www.UNICEF.org

⁸ The crisis in Darfur: A new front in Sudan's bloody war; and condemning the government of the Republic of the Sudan for its attacks against innocent civilians in the impoverished Darfur region of Western Sudan: Hearing and markup before the Committee on international relations. House of representatives. May 6, 2004. Wash. P. 47.

⁹ African Research Bulletin... 2008. Vol. 45. № 6. P. 17576; Studies in conflict and terrorism. Wash., 2009. Vol. 32. № 2. P. 10.

¹⁰ West Africa. L., 2002. № 351. P. 9.

¹¹ Этнополитический конфликт: пути трансформации. М., 2007. С. 101.

¹² Компас. М., 2009. № 41. С. 41-42; African Research Bulletin... 2008. Vol. 45. № 6. P. 17578.

¹³ Там же; African Research Bulletin... 2007. Vol. 44. № 10. P. 17256.

¹⁴ Компас... С. 48.

¹⁵ Militarization, warfare and the search for peace in Angola. The contribution of Angolan Women. Pretoria, 2001. P. 1.

¹⁶ African Affairs. Oxford, 2005. Vol. 104. № 417. P. 576, 578.

¹⁷ The Journal of modern African studies. Cambridge, 2008. Vol. 46. № 1. P. 38.

¹⁸ Beyond to cooperate: conflict, peace and people in Sierra-Leone. Geneva, 2000. P. 146.

¹⁹ Africa Renewal. N.Y., 2006. Vol. 20. № 2. P. 9.

²⁰ Africa Insight. Pretoria, 2009. Vol. 39. № 4. P. 65-66.

²¹ African Affairs... № 416. P. 531.

²² Forced Migration Review. Oxford, 2009. № 32. P. 76.

²³ IDS Bulletin... P. 51; What women do in wartime... P. 131.

²⁴ IDS Bulletin... P. 52-53.

²⁵ Этнополитический конфликт... C. 108.

²⁶ The New York Times. 2005. March 9.